

Иньти торопливо распахнул дверь, с шумом ворвавшись в покои.

Иньжэн очнулся от раздумий. Холодно вскинув брови, он окинул вошедшего мимолётным взглядом, но, узнав его, тут же растерял всякое желание читать нотации.

— Третий молодой господин Фуча, никак вы путаете этот двор с собственным домом? — лениво проговорил он. — Входите даже без доклада!

Видя, что Иньжэн всё ещё в настроении язвить, Иньти заметно расслабился. Он тяжело вздохнул с облегчением, но следом накатила глухая досада: выходит, он зря извёлся от тревоги!

Чуть раньше, ещё издали, он заметил уходившего человека, удивительно похожего на тайного соглядатая из Императорской медицинской палаты. Иньти тут же испугался, что Иньжэн уже обо всём узнал. Зная буйный нрав этого безумца по прошлой жизни — ведь если тот вспылит, то готов весь Запретный город вверх дном перевернуть, — Иньти испугался беды и всю дорогу сюда бежал со всех ног. А этот упрямец, оказывается, преспокойно нежится в праздности! Или всё же притворяется, из последних сил делая вид, что ему всё равно?..

Иньти оперся руками о подлокотники кресла, в котором сидел Иньжэн, и, нахмурившись, склонился к самому его лицу, пытаясь разглядеть малейшее изменение в его взгляде.

Иньжэн запрокинул голову. Встретившись со взглядом Иньти, в котором сквозило неподдельное беспокойство, он ощутил горький укол в груди. Тем не менее он не отстранился, позволяя себя рассматривать.

«Должно быть, Баоцин тоже что-то пронюхал».

Иньжэн едва заметно, печально улыбнулся.

«Может быть... Ах, да ну его!»

Глядя на спокойное лицо Иньжэна и его чистую, лишённую привычного яда улыбку, Иньти невольно протянул руку, словно желая убедиться, что человек перед ним — не призрак. Такую улыбку он помнил смутно: лишь из тех далёких времён, когда они ещё не стали злейшими врагами и оставались просто детьми...

Иньжэн приподнял руку, мягко перехватил ладонь Иньти и, сделав над собой усилие, тихо позвал по имени его нынешнего воплощения:

— Яолинь.

Иньти застыл, словно громом поражённый. Его пальцы едва заметно дрогнули.

Сердце Иньжэна болезненно сжалось. Стиснув зубы, он повторил, упрямо и настойчиво:

— Яолинъ...

Иньти резко вырвал руку и медленно выпрямился. На его лицо набежала холодная, фальшивая маска вежливости.

— Двенадцатый принц, — сухо произнёс он.

Услышав этот отчуждённый, подчёркнуто официальный тон, Иньжэн долго всматривался в его лицо, а затем отвернулся.

«Какая скверная привычка...»

Но если он твёрдо решил не впутывать брата в эту грязь, то не имел права требовать невозможного. Доверие — слишком хрупкая вещь, особенно когда за плечами лежит груз былых предательств.

В комнате повисло тяжёлое молчание.

Вошедший в покои Хунши застал обоих своих несносных дядьев в безмолвном противостоянии. Похоже, эти двое опять умудрились крупно повздорить.

Иньти мазнул по Хунши равнодушным взглядом и, поднявшись, обратился к Иньжэну, упорно избегая смотреть ему в глаза:

— Двенадцатый принц, ваш слуга просит дозволения отлучиться по делам.

Иньжэн опустил взгляд, ответив ровным, лишённым эмоций голосом:

— Ступай.

Сдерживая клокочущую внутри ярость, Иньти глухо бросил:

— Благодарю, двенадцатый принц. Позвольте откланяться.

Развернувшись, он стремительно вышел вон.

При звуке этого подчёркнутого «ваш слуга» пальцы Иньжэна, спрятанные в широких рукавах, мелко задрожали. Он лишь крепче сжал губы, провожая брата взглядом.

У Хунши голова пошла кругом. Что опять между ними стряслось? С чего вдруг старший дядя начал величать себя «слугой» перед вторым? Да и сам Иньжэн выглядел так, словно из него душу вынули!

Когда входная дверь с грохотом захлопнулась, Хунши даже вздрогнул.

«Ох, в этот раз они повздорили не на шутку...»

Заметив, что Иньжэн отрешённо созерцает остывающий чай в пиале, племянник осторожно приблизился и тихонько позвал:

— Брат...

Иньжэн поднял на него глаза. Он вымученно и слабо улыбнулся.

— Хунши, у меня дурные вести. Кажется, наши старые знакомые дают о себе знать.

На душе у Хунши стало тоскливо. Глядя на непривычно уязвимого дядю, он постарался взять себя в руки. Подойдя ближе, он приобнял Иньжэна за плечи, устраиваясь на широком сиденье рядом, и заботливо поправил воротник его тёплого халата.

— Известно, кто именно?

Иньжэн глубже забился в кресло, бессильно привалившись к плечу племянника. Его голос звучал тихо и тускло:

— Завтра в императорской школе увидим. Стоит лишь взглянуть им в лица, и всё станет ясно.

Видя, что Иньжэн окончательно пал духом, Хунши не стал лезть с расспросами — он понимал, что в делах старшего поколения ему не место. Он мягко потянул дядю за собой, увлекая вглубь спальни.

— Брат, ты устал. Тебе нужно прилечь, не хватай простуду.

Иньжэн послушно позволил уложить себя в постель. Заложив руку под голову, он молча наблюдал, как Хунши заботливо подтыкает одеяло и опускает тяжёлый полог кровати. Ему хотелось что-то сказать, но слова застряли в горле. Вздохнув, он закрыл глаза и отвернулся к стене, плотнее кутаясь в одеяло.

«Раз уж решил уберечь Баоцина от этой бури, незачем вешать свои тревоги на Хунши. Грех жаловаться, ведь сейчас всё и так складывается неплохо».

Хунши постоял у постели, убеждаясь, что дядя затих, и лишь после этого бесшумно выскользнул из спальни. На выходе он негромко велел служанке Цзыюй приготовить лёгкий ужин, который помог бы успокоить разыгравшийся жар в крови.

Задержавшись у порога Иньжэна, Хунши тяжело вздохнул и направился к себе.

На пороге слуга сделал ему едва заметный знак. Хунши внешне сохранил полнейшее бесстрашие, лишь кивнул в ответ, но в душе его бушевал настоящий ураган.

«Да вы издеваетесь! Дядя Баоцин, разумеется, ждёт меня у меня же в комнате! Ну почему все вечно отыгрываются на мне, младшем? Взрослые мужики, прожившие по две жизни, а поговорить напрямую друг с другом не могут!»

Полный праведного негодования, он распахнул дверь. И надо же — тот самый человек, который всего четверть часа назад уходил отсюда мрачнее тучи, теперь преспокойно восседал за круглым столом и сиял такой лучезарной улыбкой, что у Хунши аж в глазах зарыбило.

Ещё недавно Иньти действительно кипел от гнева. За те три года, что они провели в этом мире, он расшибался в лепёшку, пытаясь растопить ледяное сердце Иньжэна, но всё впустую. Неужели обида в его душе так глубока, что он даже признаться боится? Иньти не собирался вымалывать прощение за грехи прошлой жизни — раскаяние всё равно ничего не исправит. Он хотел загладить вину делом, но Иньжэн упорно отвергал любые попытки сближения. И эта неопределённость изматывала душу.

Он наступил на собственную гордость, открыл душу, искренне заботился о нём — и в ответ получил лишь холодный от ворот поворот... Сегодня Иньти было по-настоящему больно. Казалось, его сердце швырнули в ледяную прорубь, отчего всё тело сковала неподвижность.

Медленно, шаг за шагом, он дотащился до самого конца крытой галереи. Оглянувшись на закрытые ставни окон Иньжэна, он горько усмехнулся собственной глупости.

«И на что я надеялся? Стоило узнать о беде, как я сломя голову бросился сюда... Постойте. Вести...»

Очевидно, «старые знакомые», о которых шла речь, были птицами высокого полёта. Иньти задумчиво потёр подбородок, восстанавливая в памяти мельчайшие детали разговора и выражение лица Иньжэна. Наконец он тихо рассмеялся.

«Иньжэн, упрямый ты дурак...»

Качнув головой, Иньти уверенно повернул в сторону двора Хунши. Он едва не поддался на эту уловку! Раз уж Иньжэн впервые за две жизни решил проявить о нём заботу и уберечь от опасности, глупо было бы не принять этот молчаливый жест.

Заметив кислую мину на лице племянника, Иньти развеселился ещё больше. Он небрежно кивнул на дверь, безмолвно приказывая закрыть её плотнее.

Хунши покорно вздохнул и запер дверь. С такими родственниками он вырослел не по дням, а по часам — того и гляди, обзаведётся сединой раньше времени!

Усевшись напротив дяди, он взялся за чайник и наполнил пиалы.

Иньти убрал с лица улыбку и негромко произнёс:

— Ну что, племянник Хунши.

Рука Хунши дрогнула, едва не расплескав чай. Он поспешно поднёс пиалу к губам, прикидываясь глухим и изо всех сил стараясь слиться с мебелью.

«Дядя, дело вовсе не во мне! Я-то вас признаю, это второй дядя упрямится!»

Позабавленный его жалкими попытками спрятаться за чашкой, Иньти хмыкнул:

— Хунси прислал весть. Служба прилипающих шестов, Кровавые капли и Великий лебедь пришли в движение.

Лицо Хунши мгновенно утратило всякое выражение сыновней почтительности. Он вскинул голову, и его голос задрожал от волнения, которое он тщетно пытался скрыть:

— Брат Хунси?! Где он сейчас?!

Иньти многозначительно усмехнулся. Надо же, а ведь Хунши беспокоился о Хунси куда больше, чем о собственном отце Иньчжэне или хитром дяде Иньсы.

Удовлетворив любопытство, Иньти не стал больше тянуть время и ответил прямо:

— Он в моей усадьбе. Ныне Хунси зовётся Фучанъанем, моим младшим братом.

Хунши постепенно остыл, задумчиво разглядывая дядю. Зная, как сильно Иньти привязан к Иньжэну, можно было не сомневаться, что о Хунси он позаботится наилучшим образом. К тому же сейчас действительно было не время для семейных воссоединений. Хотя, с другой стороны,

Хунши мысленно усмехнулся: с их нынешней путаницей в именах и телах — настанет ли вообще когда-нибудь подходящий момент?

Впрочем, весть о том, что Хунси жив и невредим, оставалась единственным светлым пятном за последнее время. Мысли о двоюродном брате принесли Хунши мимолётное облегчение и теплоту. Но стоило подумать о тех двоих, что могли вернуться вслед за ними, как сердце вновь сжималось от старой обиды и горечи. Вихрь противоречивых чувств пронёсся в его душе за долю секунды, оставив после себя лишь усталость.

— Дядя, — сухо вымолвил он, — второй дядя лёг отдыхать.

Одобрив сговорчивость племянника, Иньти кивнул:

— Приглядывай за ним эти дни.

Хунши удивлённо приподнял брови:

— Вы уходите?

Что такого наговорил ему Иньжэн, раз обычно настырный Иньти решил отступить? Неужели сдался?

Иньти тепло, почти нежно улыбнулся:

— Раз он так отчаянно пытается уберечь меня от этой каши, я подыграю ему и побуду в тени. К тому же, — его взгляд затуманился тревогой, — Хунси до сих пор не отпустил прошлое. Обида слишком глубоко засела в его сердце, я должен присмотреть за ним.

Хунши со вздохом опёрся лбом о ладони, ссутулившись над столом. Его голос звучал приглушённо:

— Если это действительно они, спрятаться не удастся никому. Разве что сбежать подальше от Пекина.

Иньти поднялся и ободряюще похлопал Хунши по плечу.

— Мне пора. Берегите себя.

Устроившись в покачивающемся экипаже, Иньти прикрыл глаза, сопоставляя крупницы дошедших до него сведений. Четвёртый брат точно здесь. Но кто из своры Восьмого успел переродиться вслед за ним?

Перебирая чётки на запястье, Иньти холодно усмехнулся. Впереди их ждало весёлое времечко. Впрочем, к Восьмому и его прихвостням он не испытывал прежней ненависти: в конце концов, в прошлой жизни тот до последнего заботился о его матери, матушке Хуэй. Так что бывшие обиды можно считать забытыми. В этой жизни у него была лишь одна цель — сберечь того, кто стал для него дороже всего на свете.

Что же касается Четвёртого и его верного пса Тринадцатого... Прямой вражды между ними не было. Но эти двое умудрились перейти дорогу тем, кто теперь составлял смысл его жизни — Баоцэну и Хунси. Им лучше держаться подальше, иначе придётся сполна ответить по старым счетам!

Канси угрюмо созерцал лежащий перед ним доклад Службы прилипающих шестов. Он нахмурился.

«"Великий лебедь"? Как символично для амбиций Восьмого! Подумать только, какие предприимчивые у меня сыновья! Зная дотошность Четвёртого, он не должен был оставить после себя подобных упущений. Интересно, кто теперь заправляет этой лавочкой?..»

Окинув ледяным взглядом склонённого перед ним слугу, император холодно приказал:

— Соберите все доклады по делу "Великого лебедя", начиная с эпохи Канси, и немедленно доставьте мне!

Отношения между Иньсы и Четырнадцатым принцем Иньчжэнем за последние дни заметно наладились. В конце концов, в прошлой жизни Четырнадцатый лишь безучастно молчал, не принимая прямого участия в расправе над братом. Видя, как с лица младшего постепенно сходила былая угрюмость, Иньсы испытывал искреннее облегчение. Четырнадцатый всегда отличался преданностью, пусть порой и бывал вспыльчив, скрывая истинные чувства глубоко внутри.

Похоронив старые распри, братья принялись наводить порядок в своих теневых ресурсах. Пока на троне сидел взбалмошный Хунли, только реальная власть в руках могла гарантировать им безопасность.

Когда в кабинет вошёл слуга и почтительно осведомился, в какой час господам угодно отправиться в императорскую школу, лица обоих братьев мгновенно потемнели.

«Хунли, у тебя совсем мозги усохли?!»

Вслед за вспышкой гнева в их памяти всплыл недавний нелепый указ Цяньлуна, лишённый всякого здравого смысла. Иньсы и Иньчжэнь переглянулись, и в глазах каждого промелькнул робкий огонёк надежды. Словно пытаясь уйти от этого навязчивого предчувствия, они поспешно перевели разговор на обсуждение юных принцев, живущих во дворце. Возможно... В глубине души у каждого из них теплились собственные ожидания.

С трудом оправившись от недавних недугов, новоявленные принцы с тяжёлым сердцем переступили порог Императорской школы. При виде толпы копошащихся вокруг сорванцов Иньсы и Четырнадцатый Иньчжэнь готовы были собственноручно придушить своего непутёвого потомка.

«Прожить целую жизнь, чтобы на старости лет снова просиживать штаны за детскими партами!»

Застыв у входа, Иньсы уставился на сиротливо пустующее почётное место в первом ряду. На мгновение прошлое и настоящее слились воедино. Когда наваждение рассеялось, в его груди закипела глухая ярость. Пятый принц Юнци не блистал ни умом, ни воинской доблестью, однако Хунли умудрился окружить его почестями, положенными разве что Наследному принцу в былом Дворце Возвращения Благодати! Куда только смотрели глаза этого безумного императора? Окажись поблизости прежний хозяин этих покоев, он бы без лишних слов запорол Хунли плетью до полусмерти!

Впрочем, сам Хунли едва ли замышлял нечто подобное. Ему просто казалось, что его пятый сын на редкость предан и чист душой. Желая побаловать любимца, он проявил чуть больше отцовской заботы, но придворные подхалимы мгновенно истолковали это по-своему, раздув слухи до такой степени, что почести Юнци затмили величие некогда низложенного Наследника.

Четвёртый принц Иньчжэнь и без того был не в духе из-за странной меланхолии, в которую в последние дни впал Иньсян. А при виде вошедшей парочки, чьи повадки и жесты до боли напоминали усопших братьев, у него и вовсе разболелась голова. Если его догадка верна...

В этот момент новоприбывшие повернулись в его сторону. Их взгляды встретились. Яростный, мечущий молнии взор «четвёртого принца Юньчэна» мгновенно развеял последние сомнения. Иньчжэнь перевёл глаза на стоявшего рядом «шестого принца Юньжуна», чьё лицо озаряла мягкая, вкрадчивая улыбка.

«Что ж, это действительно они».

Его брови даже не дрогнули. Бывшие соперники, однажды раздавленные и поверженные им, не представляли для него никакой угрозы.

При мысли о грядущем противостоянии в его груди заклокотало неукротимое, торжествующее величие. В этой жизни он вновь вознесётся над ними, растоптав каждого, кто посмеет встать на его пути. И даже Иньжэн не станет исключением.

<http://bllate.org/book/18338/1863646>